

И. Ю. ФОМЕНКО

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА Г. Р. ДЕРЖАВИНА И ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ

В начале XIX в. Г. Р. Державиным овладела мысль о подведении итогов, о создании обширных автобиографических произведений, объясняющих читателям его стихотворные тексты и описывающих его жизненный и творческий путь.

Написанные им с этой целью произведения до сих пор не стали объектом комплексного или хотя бы специального исследования, хотя по мере их публикации (растянувшейся более чем на столетие) быстро вводились в научный оборот, активно цитировались и использовались в качестве источника фактов при комментировании поэтических текстов Державина и при работе над его биографией. Но этот действительно незаменимый источник в ряде случаев требует к себе осторожного отношения, причем касается это не только фактических неточностей, обусловленных ошибками памяти Державина (многие из таких неточностей были выявлены и прокомментированы Я. К. Гротом при подготовке Академического собрания сочинений Державина).¹ Для того чтобы по-настоящему плодотворно использовать автобиографические произведения Державина, необходимо, во-первых, рассматривать каждый из автобиографических текстов как целое, подчиненное решению специальных задач, и, во-вторых, рассматривать все его автобиографии в их совокупности, как тексты, находящиеся между собой в сложном соотношении. Каждый из этих текстов был подчинен решению особых задач. И одновременно каждый из них создавал определенное целостное представление о жизненном пути Державина и об его творческой деятельности. Целый ряд ключевых моментов своей биографии был описан Державиным неоднократно, причем интерпретиру-

¹ Вопросу же о недостатках издания, подготовленного Я. К. Гротом, посвящена специальная статья В. А. Западова. См.: *Западов В. А. Текстология и идеология. Борьба вокруг литературного наследия Г. Р. Державина.* — В кн.: *Проблемы изучения русской литературы XVIII века, 1980*, вып. 4, с. 96—129.

вались эти эпизоды в контексте разных автобиографических текстов нередко по-разному. Расхождения в оценке одних и тех же фактов до сих пор не привлекли внимания исследователей. А ведь они не были случайными. То, как Державин расставлял акценты, описывая такие важные для него события, как конфликт с А. А. Вяземским, история написания оды «Фелица», суд и отставка 1789—1790 гг., взаимоотношения с Екатериной II, зависело каждый раз от задач текста, в который входило это описание. Появление же расхождений в значительной степени было обусловлено тем, что Державин работал над своими автобиографическими произведениями в те годы, когда во взглядах на роль и место писателя в обществе происходили существенные изменения. Это придает им особую ценность. Они интересны как документ, зафиксировавший сложный и переломный момент во взглядах на труд писателя. Под этим углом зрения они и будут рассматриваться в данной работе.

Поскольку многие особенности державинских автобиографических текстов, важные в контексте данного исследования, очень отчетливо проявились как в творческой истории каждого из них, так и в истории их публикации, необходимо вкратце изложить этот материал.

Толчком для начала работы над первой автобиографией послужила для Державина просьба киевского митрополита Евгения (Болховитинова) написать для задуманного им «Биографического словаря русских светских писателей» свою автобиографию. В ответ на эту просьбу Державин в 1805 г. написал краткий вариант автобиографии, озаглавленной им «Нечто о Державине»², и так называемые «Примечания на сочинения Державина».³

«Нечто о Державине» в отредактированном Болховитиновым виде легло в основу биографической заметки о Державине в «Словаре русских светских писателей».⁴ Но и этот опубликованный вариант биографии можно рассматривать как авторизованный державинский текст во всем, что касается отбора и подачи материала. Об этом свидетельствует письмо Болховитинова, в котором он пишет прямо и с некоторой долей недовольства: «На следующей почте отправлю к Бантыш-Каменскому Биографию Державина, у него самого в кабинете правленную и всеми мелочами распространенную. Но он требует, чтобы все это напечатано было. Сделаем удовольствие почтенному нашему Горацию. Эпиктитова и глиняная лампадка у потомства сделалась в великой цене.

² Текст опубликован. См.: Кононко Е. Н. Рукописи Г. Р. Державина в Центральной научной библиотеке УССР. — Русская литература, 1972, № 3, с. 81—85. В дальнейшем — «Нечто о Державине».

³ Текст опубликован. См.: Кононко Е. Н. Примечания на сочинения Державина. — Вопросы русской литературы, 1973, вып. 2 (22), с. 107—117; 1974, вып. 1 (23), с. 81—94; 1975, вып. 1 (25), с. 110—125. В дальнейшем — Державин Г. Р. Примечания, с указанием номера выпуска.

⁴ См.: Евгений [Болховитинов Е. А.] Словарь русских светских писателей. М., 1845, т. 1, с. 165—177. В дальнейшем — Словарь.

А биография не история и терпит всякие мелочи описываемых лиц» (VIII, 891).⁵ Это позволяет в дальнейшем в ряде моментов обращаться к этому очерку наряду с другими автобиографическими произведениями Державина.

Названные тексты надолго выпали из поля зрения исследователей, поскольку Я. К. Грот, имевший копии этих текстов, опубликовал из них только те отрывки, которые дополняли имевшиеся у него более поздние материалы.⁶

Как биографические заметки, так и «Примечания» очень быстро перестали удовлетворять самого Державина, и вскоре он еще раз вернулся к работе над автобиографическими произведениями. В 1809 г. в имении на Званке он продиктовал своей племяннице Е. П. Львовой «Объяснения» на свои стихотворные тексты, а завершив работу над «Объяснениями», почти без перерыва приступил к более полному описанию своей биографии. В 1813 г. он закончил этот труд, названный им «Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающих в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина».

Оба текста были изданы Я. К. Гротом в составе подготовленного им Академического собрания сочинений Державина⁷ и с тех пор прочно вошли в научный оборот.

Грот совершенно верно, но вскользь отметил, что «Объяснения» и «Записки» — тексты, в ряде аспектов построенные по принципу взаимной дополнительности, так как Державин, «находя, что он в своих „Объяснениях“ уже достаточно коснулся одной стороны своей жизни <...> хотел отдельно описать другую, т. е. служебную» (VIII, 899).

Замечание это прошло незамеченным, и восприятие «Записок» было в большой степени обусловлено тем, что их сочли за единственный и исчерпывающий вариант автобиографии, в котором Державин сказал о себе все, что считал нужным.⁸

Но и Грот не учел в свою очередь, что, хотя конкретные стихотворные образы, как правило, одинаково истолкованы в «Примечаниях» и «Объяснениях», это не варианты или редакции одного текста, а самостоятельные произведения, и не опубликовал «Примечания».

Публикатор заметки «Нечто о Державине» и «Примечаний», Е. Н. Кононко совершенно справедливо отмечает, что «Примеча-

⁵ Ссылки даются в тексте по изданию: *Державин Г. Р. Сочинения с объяснительными примечаниями Я. К. Грота.* СПб., 1864—1883, т. I—IX. Римская цифра означает номер тома, арабская — номер страницы.

⁶ Отрывки из «Примечаний» вошли в т. 9 издания. В т. 6, в виде комментариев к «Запискам», Грот дает отрывки из так называемой «Тетради с автобиографией 1805 года». Это и есть «Нечто о Державине».

⁷ Впервые «Записки» увидели свет несколькими годами ранее, в журнале «Русская беседа».

⁸ Отклики на выход «Записок» подробно рассмотрены в работе: *Западов В. А. Проблема Державина в журналистике 60-х годов.* — В кн.: *Из истории русской журналистики второй половины XIX в.* М., 1964, с. 28—43.

ния» вполне «можно рассматривать как самостоятельное произведение Державина, один из образцов его прозы»,⁹ но ряд ее высказываний свидетельствует, что и она рассматривает «Примечания» и «Объяснения» скорее как две редакции одного текста. Так, о написании «Объяснений» она пишет, что в 1809 г. Державин «диктует <...> новые объяснения <...>, более краткие и „благоразумные“».¹⁰

Только комплексное и всестороннее исследование этого корпуса текстов может дать ответ на вопрос о месте каждого из них в творческом наследии Державина. Такое комплексное исследование предполагает, в частности, рассмотрение автобиографических текстов с точки зрения отражения самосознания Державина как поэта в каждом из них.

Сложность и непоследовательность в оценке собственной поэтической деятельности обусловили заметные расхождения в интерпретации Державиным многих фактов своей творческой биографии. Но прежде чем переходить к рассмотрению расхождений в оценке конкретных фактов, необходимо, во-первых, рассмотреть взгляды Державина на литературное творчество в целом, выявить то общее, что стоит за каждым из текстов, и, во-вторых, рассмотреть взгляды Державина на литературное творчество в контексте господствовавших в XVIII—начале XIX в. представлений о литературном труде.

Вопросу о специфике социального положения русского писателя XVIII в., равно как и вопросу о той своеобразной социальной психологии, которая этому сопутствовала, уже посвящена интересная, хотя и немногочисленная литература, в которой, однако, имя Державина упоминается вскользь.¹¹

Вопрос об отношении к поэзии и к службе стоял перед каждым русским писателем XVIII—начала XIX в. и так или иначе ими решался.¹² Процессы, наблюдающиеся в течение всего

⁹ Державин Г. Р. Примечания, вып. 2 (22), с. 108.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Шашков С. С. Литературный труд в России. (Исторический очерк). — Дело, 1876, № 8, отд. 1, с. 1—18; Мальшинский А. Литературный гонорар в XVIII веке. — Исторический вестник, 1886, № 12, с. 580—595; Эйхенбаум Б. М. Литература и писатель. — Звезда, 1927, № 5, с. 121—140; Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция/ Под ред. В. Б. Шкловского и Б. М. Эйхенбаума. М., 1928, с. 9—214; Панченко А. М. О смене писательского типа в Петровскую эпоху. — XVIII век, Л., 1974, сб. 9, с. 112—129; Вацуро В. Э. Северные цветы. М., 1978, с. 6; Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980, с. 50—52.

¹² В беглом обзоре можно упомянуть, конечно, только некоторые наиболее существенные и типичные моменты, характеризующие самосознание писателей последней трети XVIII в. Нет возможности, в частности, остановиться на позиции и деятельности Н. И. Новикова, которая всеми исследователями, касавшимися этой проблемы, рассматривается как исключение. Не затрагивается также вопрос о формах писательской организации в XVIII в. (литературных кружках, журналах), хотя именно там зарождались те формы, которые стали преобладать в XIX в. Впрочем, литературный кружок не может не нести на себе печати породившей его

XVIII в., были связаны с изменениями в положении писателя, произошедшими в Петровскую эпоху, когда, по словам А. М. Панченко, фигура «ученого монаха» сменилась «фигурой чиновника».¹³

В течение всего XVIII в. служба считалась делом чести, делом каждого дворянина, независимо, в частности, от того, занимается он или нет литературным трудом: «Неслужащий дворянин формально не нарушал законов империи. Однако его положение в обществе было совершенно особым. Сатирическая литература и публицистика XVIII в. создали традицию отождествления государственной службы и общественного служения. <...>

Правительство также весьма отрицательно смотрело на уклоняющегося от службы и не имеющего никакого чина дворянина».¹⁴ Не случайно Державин, комментируя оду, посвященную Н. А. Львову, явно с трудом подбирает слова для определения его социального положения. В «Примечаниях» Державин пишет: «... сия ода писана <...> в бытность автора при дворе статс-секретарем в 1793 году, когда Львов жил у себя в Новоторжской деревне и упражнялся в сельских занятиях».¹⁵ Комментируя эту же оду в «Объяснениях», Державин вообще обходит вопрос о роде занятий Львова и пишет, что ода посвящена «тайному советнику и кавалеру» Н. А. Львову (III, 636). Точно так же и к строчке «Куда, Мещерский, ты сокрылся» он дает комментарий: «Мещерский, действительный статский советник» (III, 620).

Традиция отождествления службы и служения,¹⁶ преломившись в представлениях о литературном творчестве, способствовала, с одной стороны, появлению представления о поэзии как о деле государственного значения,¹⁷ не менее важном, чем служба, а с другой — появлению представления о литературном труде как

эпохи. М. Н. Муравьев, в юности близкий к Вольному российскому собранию при Московском университете, уже в конце 70-х гг. XVIII в. сокрушался: «Общества в пользу письмен заводимые должны иметь для словесников ту же прелесть, как обыкновенные беседы для людей вообще, и особливо тех, которые наиболее занимаются светом. Единая нужда действует в словеснике и человеке светском, когда они ищут сообщения. <...> Но как наконец все превращается в обряд, из дружеских бесед, которые облегчают сердце и услаждают разум, сделались счетные Посещения» (ГПБ, ф. 499, № 37, л. 25).

¹³ Панченко А. М. Славянские связи и национальные традиции в русской литературе на рубеже XVII—XVIII веков. — В кн.: Славянские литературы. VII Международные съезд славистов. М., 1973, с. 238.

¹⁴ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий, с. 50.

¹⁵ Державин Г. Р. Примечания, вып. 1 (23), с. 88.

¹⁶ Строку «Всяк долгу раб» из оды «На умеренность» Державин комментирует так: «... всякий естественно обязан быть должности своей рабом и <...> он не мечтает с своей стороны ни о каких воздушных замках». (См.: Державин Г. Р. Примечания, вып. 1 (23), с. 85—86). Это свидетельствует, что и Державин отождествлял «долг» и «должность», т. е. службу и общественное служение.

¹⁷ См.: Кулакова Л. И. О спорных вопросах в эстетике Державина. — В кн.: XVIII век. Л., 1969, сб. VIII, с. 25.

о занятии в «праздное», т. е. свободное от службы время, менее важным, чем служба. Тем самым сильно замедлилась выработка представлений о профессиональном литературном труде и его самостоятельной ценности.

По-настоящему четко задачу профессионализации литературного труда поставил Н. М. Карамзин в целом ряде статей конца XVIII—начала XIX в. Он хорошо понимал и то, какие своеобразные условия замедлили этот процесс в России: «Ибо пишем мы по внезапной прихоти; <...> ибо в стране, где все определяется рангами, слава имеет мало притягательного».¹⁸ В статье «Отчего в России мало авторских талантов?» (1802) Карамзин как одну из причин назвал недостаток образования, а недостаток образования тоже связал с погоней за чинами: «Имя хорошего автора еще не имеет у нас такой цены, как в других землях <...>. К тому же искание чинов не мешает балам, ужинам, праздникам; а жизнь авторская любит частое уединение <...>. Надобно заглядывать в общество <...> но жить в кабинете».¹⁹ Карамзин настойчиво повторяет мысль, что писатель должен уподобиться независимому «кабинетному ученому». Для него же самого жизнь кабинетного ученого, не связанного с двором и службой, осталась в некотором роде утопией. Чтобы иметь возможность записаться историей, он вынужден был отказаться от образа жизни независимого журналиста и исхлопотать себе место придворного историографа с чином надворного советника и жалованием в две тысячи рублей в год. И. И. Дмитриев вспоминал: «Карамзин часто говаривал мне, что ему хотелось бы писать отечественную историю; но в положении частного человека не смеет и думать».²⁰

Но и писатели-сентименталисты, провозгласившие тезис о внесловной ценности личности, далеко не всегда рассматривали писателя как независимое, частное лицо. Как пишет Л. Я. Гинзбург, «Специфика русского сентиментализма <...> состояла в том, что провозгласила его не буржуазия, породившая сентиментализм западный, но та среда, которую стали позднее называть образованным дворянством.

Военные и чиновники, иногда очень крупные (И. Дмитриев, например, был действительным тайным советником и министром юстиции), не могли вести себя по законам чувствительных сердец. Никто этого от них и не ожидал. Их жизненную практику определяли иные, сословные нормы».²¹

Однако если не в жизни, то в творчестве писателей-сентименталистов отчетливее всего проявились важные идеологические процессы, постепенно приведшие к некоторому расширению по-

¹⁸ Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2-х т. М.; Л., 1964, т. II, с. 147—148.

¹⁹ Там же, с. 186.

²⁰ Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866, с. 82.

²¹ Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л., 1977, с. 39.

нимания «гражданского долга и достоинства дворянина».²² По наблюдениям Е. Н. Купреяновой, в конце XVIII в. не менее важной дворянской обязанностью, чем служба на военном или гражданском поприще, «начинает почитаться „отеческая“ забота дворянина о благе его собственных подданных».²³ В литературе это привело к появлению в качестве положительного героя фигуры неслужащего дворянина, живущего в своих поместьях.

Эти же процессы подготовили и некоторые изменения в представлениях о литературной деятельности. Появление идеи «частного человека» способствовало формированию взгляда на литератора как на частное лицо, посвятившее себя исключительно литературному труду.

Уже Н. И. Новиковым был осознан конфликт между необходимостью служить и потребностью писать. Вскоре осознал этот конфликт и М. Н. Муравьев, находившийся под сильным влиянием Новикова. 11 марта 1780 г. он писал сестре: «В прошедший понедельник писал я довольно по-кавалерски. Если бы я продолжал, легко бы заключить было можно, что я упоен восторгом военной науки и буду скоро иметь роту драгун! Ничего не бывало. Я все тот же маленький педант, испрочивший себе привилегию лениться за скрепою муз».²⁴ Письмо свидетельствует, что двадцатитрехлетний солдат Преображенского полка уже ощутил в зачаточной форме конфликт между военной службой и призванием к поэтическому творчеству, которое он оценивает, однако, не как серьезное дело, а как «привилегию лениться».

Но зачастую русские писатели второй половины XVIII в. были не способны не только противопоставить, но и просто разграничить службу и творчество, рассматривали их как некое единое служение.

Мнение же, что творчество мешает службе, судя по некоторым данным, в те годы высказывалось скорее не литераторами, но людьми, их окружавшими.

Державин, как известно, в течение ряда лет служил под непосредственным началом А. А. Вяземского, который считал, что «стихотворцы не способны к делам» (III, 602), и это самым прямым образом отразилось на его судьбе.

Против недоверия к литераторам восстал в 1783 г. и Д. И. Фонвизин в «Челобитной российской Минерве от российских писателей» (по указанию Г. П. Макогоненко, «конкретным поводом к написанию „Челобитной“ оказались гонения, которым подвергся Державин со стороны <...> Вяземского».²⁵ Это свидетельствует об определенном общественном резонансе конфликта между Державиным и Вяземским). Фонвизин с возмущением писал, что «не-

²² Купреянова Е. Н. Основные направления и течения русской литературно-общественной мысли первой четверти XIX в. — В кн.: История русской литературы. Л., 1981, т. 2, с. 18.

²³ Там же.

²⁴ ИРЛИ, р. II, оп. 1, № 262, л. 1.

²⁵ Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2-х т. М.; Л., 1959, т. 2, с. 682.

вежды» сговорились: «1. Всех упражняющихся в словесных науках к делам не употреблять. 2. Всех таковых, при делах уже находящихся, от дел отрешать».²⁶ Фонвизин призывает Екатерину II «такое незаконное и век наш ругающее определение отменить; нас же, яко грамотных людей, повелеть по способностям к делам употреблять, дабы мы <...> служа российским музам на досуге, могли главное жизни нашей время посвятить на дело для службы вашего величества».²⁷

Господствующие в обществе представления о литературном труде отчетливо проявились в автобиографиях Державина. Он тоже неоднократно повторял, что его творческая деятельность не является помехой его служебной деятельности, поскольку он занимается ею «на досуге» «в праздное время». Так, к оде «Меркурию» (1784) он дает такой комментарий: «В 3-м (куплете, — *И. Ф.*) просит позволения заниматься стихотворством в праздное время, т. е. как грянет гром или выстрелит пушка вечерней зари и на бирже не бывает уже никакой работы, вместо того, что другие занимаются карточной игрой в вист и бостон».²⁸

Кроме того, Державин зачастую перечислял на равных служебные и творческие заслуги, как бы приплюсовывая их. В комментарии к оде «Лебедь» он так объясняет ее смысл: «... что он как лебедь, посвященная птица Апполону, вознесясь в воздух, не останется, как прочия вельможи, тлеть между кавалерскими звездами в гробе. Но что он будет бессмертен памятью, как по поэзии, в которой он говорил языком сердца, так и по правилам Третейского суда, которые он поднес императору, веселясь; что он доставит тем некогда благо своему отечеству. Непростительно бы было так самохвалствоваться, но как Гораций и прочия древния поэты присвоили себе сие преимущество, то и он тем пользуется, не думая быть осужденным за то своими соотечественниками, тем паче, что поэзия его — истинная картина природы».²⁹ В комментариях к оде «Мой истукан» Державин тоже не расчленяет свою деятельность на службу и творчество, меряет их единой меркой: «Впрочем изъясняется, что он не стоит такой чести, чтоб публично известна была его статуя, показывая однако в 14 куплете предположительно скрытым смыслом свои деяния, что он освободил от киргизцов пленных колонистов, что сохранял, будучи губернатором и сенатором, закон и правду, отирал слезы сирот и вдов, которых бы здесь множество было описывать. <...> Приписывая в 16 куплете достоинство себе, что имел способность изобразить монархиню и петь ей похвалы».³⁰

У Державина можно найти и ряд высказываний, свидетельствующих, что он был склонен считать свою служебную деятель-

²⁶ Там же, с. 269.

²⁷ Там же, с. 269—270.

²⁸ Державин Г. Р. Примечания, вып. 1 (23), с. 83.

²⁹ Там же, вып. 1 (25), с. 125.

³⁰ Там же, вып. 1 (23), с. 90. Эти оды аналогично истолкованы и в «Объяснениях», но текст «Примечаний» более выразителен.

ность важнее творческой. В частности, об оде, написанной по случаю бракосочетания Александра («Песнь брачная чете порфирородной»), он пишет: «Автор, будучи при императрице Екатерине II статс-секретарем, по множеству тогда дел у него не мог заняться на сей случай сочинением особенным».³¹

Судя по данным автобиографий, мировоззрение Державина в вопросе о социальном положении поэта, о его месте и роли в обществе в целом ряде моментов было традиционным, а в последние годы жизни уже и архаичным. Но эта традиционная и по-прежнему цельная система взглядов на литературное творчество уже размывалась изнутри идеей гения-творца, идеей независимого и вдохновенного творческого труда.³² Именно поэтому, объясняя написание целого ряда текстов служебной или общественной необходимостью, ряд других текстов Державин изображает как результат высокого и вдохновенного порыва. Так, например, об оде «На взятие Варшавы» он пишет: «Продолжение сей пиесы автор после в один присед зделал без всякого рачения, как только дух его ему внушал, и потому сия ода может быть есть лучшее изображение его таланта или гения».³³ В письме Г. Н. Городчанину о той же оде Державин прямо пишет: «Я <...> попросту, что видел, то и бредил» (VI, 273).

Процесс творчества Державин описывает так: «Поэт <...> приходит в восторг, схватывает лиру и поет, что ему велит его сердце» (VII, 523).

По наблюдениям Л. И. Кулаковой, именно Державин впервые в русской поэзии описал творческий процесс как результат «наития», вдохновения, наиболее последовательно проводил идею «богоподобия» поэта.³⁴

И одновременно, если верить автобиографиям Державина, целый ряд од был написан им на заказ или из деловых соображений. Так, например, ода «На Мальтийский орден» «написана по внушению автору воли государя некоторыми его приближенными особами».³⁵

В XVIII в. представление о гении-творце еще не вступало в противоречие с представлением об общественном деятеле. С точки зрения той эпохи, «гений» — это прежде всего тот, кто творит без правил, стоит выше правил, — и так и оценивали Державина многие современники.³⁶

³¹ Там же, с. 87.

³² Об идее гения в эстетике см.: Гилберт К., Кун Т. История эстетики. М., 1960, с. 362. Там же приводится литература вопроса. На материале русской литературы XVIII в. и в связи с творчеством Державина эта проблема рассмотрена Л. И. Кулаковой в работе «О спорных вопросах в эстетике Державина» (см.: XVIII век. Л., 1969, сб. 8, с. 25—33).

³³ Державин Г. Р. Примечания, вып. 1 (23), с. 91.

³⁴ Кулакова Л. И. О спорных вопросах в эстетике Державина. — В кн.: XVIII век. Л., 1969, сб. VIII, с. 26—27.

³⁵ Державин Г. Р. Примечания, вып. 1 (25), с. 112.

³⁶ В частности, Н. П. Брусилов в книге «Мое путешествие, или приключения одного дня» (1805) посвятил специальную главку полемике

Своеобразие позиции Державина состояло, видимо, в том, что он не принижал творчество до службы, но рассматривал оба этих рода деятельности как сферу высокого творческого вдохновения.

В «Разговоре Короля с Философом» («Разговор» посвящен проблемам государственной власти и в том числе вопросу о месте и роли «философа» при дворе³⁷) Король заявляет, что «добродетель», к которой призывает его Философ, неуместна в сфере конкретной политики, что «добродетель сфера поэзии», и в ответ на вопрос Философа «Что вы под сим понимаете?» разражается рядом риторических вопросов: «Что добродетель совсем другое в нашем обыкновенном быту? Что не имеет ли она в себе всех свойств высокой поэзии? Не мысленное ли она существо? Не выпренная ли сила души? Не воспаряет ли она высоко над землею и <...> низкими привязанностями? <...> Не отделенность ли она от всего обыкновенного — прозаического?» В ответ на вопрос Философа: «Так вы разделяете людей на поэтов и прозаиков?» Король отвечает: «Я думаю: только первых меньше».³⁸ Возможно, в «Разговоре» отразились беседы Державина с Екатериной II.

Представления о несовместимости поэзии и службы, о самоценности поэтического творчества, о независимом от общества гении-творце, противопоставляющем себя «толпе» и подчиняющем всю свою жизнь служению своему таланту, равно как и представления о писателе-профессионале, живущем на средства, которые дает ему литература, окончательно сложились только в первой трети XIX в.

Пытаясь разобраться в тонкостях державинской самооценки, нельзя забывать, что речь идет об определенном культурном феномене, об определенных исторически изменчивых формах писательского поведения и писательской самооценки. Это хорошо понимал А. С. Пушкин, видевший как смену одних норм писательского поведения другими, так и то, что положение писателя в обществе обуславливается специфическими для данной культуры, для данной страны традициями: «Patronage (покровительство) до сей поры сохраняется в обычаях английской литературы. <...> В России вы не встретите ничего подобного. У нас, как заметила M-me de Staël, словесностию занимались большею частию дворяне. <...> Это дало особенную физиономию нашей литературе; у нас писатели не могут изыскивать милостей и покровительства у людей, которых почитают себе равными, и подносить свои сочинения вельможе или богачу, в надежде получить от него 500 рублей или перстень <...> Что же из этого сле-

с «Вестником Европы», в котором творчество Державина рассматривалось с точки зрения «правил» языка. Брусилов же утверждал, что «гений» выше любых правил.

³⁷ Следует отметить, что проза Державина, посвященная проблемам государственной власти, была опубликована Я. К. Гротом далеко не полностью.

³⁸ ГПБ, ф. 247, № 4, л. 171 об.—172.

дует? что нынешние писатели благороднее мыслят и чувствуют, нежели мыслил и чувствовал Ломоносов и Костров? Позвольте в том усумниться».³⁹

В. Г. Белинский, тоже хорошо помнивший более ранние формы писательского самосознания, в статьях о Державине, написанных в 1843 г., четко и последовательно оценил высказывания Державина о поэзии и службе в контексте принятых в конце XVIII в. представлений: «Известно всем <...> что Державин свое чиновническое поприще ставил выше, т. е. *дельнее* своего поэтического поприща.

Но что же это все доказывает? то ли, что Державин был изменчив в своих мнениях, или что он только в стихах, а не на деле высоко думал о стихотворстве?

Ни то, ни другое! В этом видна нерешительность, неопределенность идеи поэзии в то время. Державин <...> то приходил в восторг от своего призвания <...> то погружался в уныние при мысли о нем, стыдясь его, как пустой забавы. В первом случае скрывалась его глубокая поэтическая натура; во втором высказывалось в нем общество нашего времени <...> Истинный талант теперь везде и всегда смело может назвать себя по имени, а гений, в области поэзии, теперь — сила и власть в сфере общественного мнения. Но это сделалось не вдруг, а постепенно».⁴⁰

И одновременно уже в первой трети XIX в. высказывания Державина о поэзии и службе стали рассматриваться с точки зрения тех представлений о роли и месте поэта в обществе, которые сложились в эпоху романтизма. Принципиально важен вопрос об оценке тремя писателями XIX в., В. А. Жуковским, А. С. Пушкиным и Н. В. Гоголем, известных строк из стихотворения Державина «Храповицкому» (1797):

За слова — меня пусть гложет,
За дела — сатирик чтит.

И Жуковский, и Пушкин, и Гоголь поняли эти строки одинаково — и никто из них не понял, что имел в виду Державин.

Жуковский писал Гоголю: «Ошибки писателя не извиняются его человеческими добродетелями».⁴¹ Гоголь в статье «О том, что такое слово» (1844) привел слова Пушкина: «Державин не совсем прав: слова поэта суть уже его дела. Пушкин прав. Поэт на поприще слова должен быть так же безукоризнен, как и всякий другой на своем поприще. Если писатель станет оправдываться какими-нибудь обстоятельствами, бывшими причиной неискренности <...> тогда и всякий несправедливый судья может оправдаться в том, что брал взятки».⁴²

³⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л., 1949, т. XI, с. 254—255.

⁴⁰ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955, т. VI, с. 656.

⁴¹ Жуковский В. А. Сочинения. СПб., 1857, т. XI, с. 147.

⁴² Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М., 1952, т. 8, с. 229.

За этим непониманием стоит многое. В понимании писателя первой трети XIX в. «жизнь и поэзия — одно», слова и дела, в частности служба и творчество, составляют или, по крайней мере, должны составлять единство.

Сам Державин имел в виду нечто совсем другое. В 1786 г. он писал Е. Р. Дашковой: «Для меня весьма удивительно, что многие наши братья, принимаясь за стихи, а особливо в похвалу божественной Фелице, так холодно и сухо изъясняются, что будто они совсем не чувствуют того, что пишут, и будто к прославлению великих дел ее надобны вымыслы, а не голая одна истина. Я бы, конечно, не оставил ее по мере сил моих превозносить и прославлять <...> ежели б не был уверен, что ей приятнее действия наши, отвечающие божественной воле ее, нежели слова <...> Самыми наилучшими словами можно льстить, а добрыми делами, отвечающими ее великим намерениям <...> льстить не можно» (V, 630—631). Для Державина, поэта, взгляды которого на службу и творчество сложились в XVIII в., «дела» важнее «слов». Но начиная с XIX в. и до наших дней предпринимаются попытки прокомментировать достаточно многочисленные высказывания Державина на тему о поэзии и службе, доказав, что Державин ставил творчество выше службы. Грот, например, писал: «Многие в наше время утверждали, что сам он ставил свою службу выше авторства, но это несправедливо; мысль его стиха: „А я пиит и не умру“ была не раз выражаема им и в других формах. Если иногда он говорил, что пишет только в *свободное от дел время*, то это было лишь для успокоения других, для того, чтобы оправдать себя в глазах начальства и тех, которые твердили, что стихотворство мешает делу» (VIII, 10). Однако не получает объяснения тот факт, что Державин неоднократно возвращался к этой мысли не только в стихотворениях, написанных в годы службы, но и в автобиографической прозе, написанной в годы отставки, когда никакого начальства у него уже не было, а цитируемую Гротом как пример его самооценки строчку в «Примечаниях» связал с перипетиями службы: «... автор описывает свое терпение, что он утеснялся тогда ареопагом или Сенатом по делам службы в бытность его губернатором в Тамбове, изъясняя, что злоба твердости его поколебать не может и что будучи пиитом он не умрет».⁴³

Этой же проблеме посвятила раздел «Поэт и поэзия» в своей книге о Державине Н. Вальденберг, которая тоже сочла точку зрения Белинского обидной для Державина и вступила с ним в полемику, процитировав целый ряд фрагментов, доказывающих, по ее мнению, что Державин достаточно высоко ценил собственное творчество.⁴⁴

Конфликт творчества и службы приписывался Державину в самых квалифицированных работах: «Особенно усиливалась

⁴³ Державин Г. Р. Примечания, вып. 1 (23), с. 83.

⁴⁴ Вальденберг Н. Державин. Опыт характеристики его мирозерцания. Пг., 1916, с. 21—31.

его поэтическая деятельность в частые периоды служебных неудач. Проигрывая как чиновник, Державин неизмеримо выигрывал как поэт». ⁴⁵ Более убедительной кажется точка зрения Иконникова, который считал, что в 1789—1791 гг. «продолжительное томление Державина от неизвестности судьбы сказалось и в настроении его лиры». ⁴⁶

Биографы Державина тоже вынуждены так или иначе решать эту проблему и тоже отчасти находятся в плену более поздних представлений. А. В. Западов, например, писал о событиях той же отставки 1789—1791 гг.: «Но в службу Державина по-прежнему не брали. Он жил в Петербурге на положении отставного и немало на это сердился.

От должности в часы свободны
Пою моих я радость дней, —

писал он в стихах, но этих свободных часов было уж слишком много для деятельной натуры Державина». ⁴⁷ Но цитируемые строки взяты из стихотворения «На новый год» (декабрь 1780 или январь 1781), когда Державин находился как раз на гребне служебного подъема.

С точки зрения более поздних романтических представлений отставка — это время, свободное от службы, время, которое можно целиком посвятить творчеству и в которое, следовательно, должен произойти особый всплеск творческой активности. Но писатели XVIII в. рассуждали иначе. Писание стихов в те годы еще мало осознавалось как факт социальной значимости. Не случайно А. П. Сумароков, безусловно, осознававший себя главой русского театра и первым русским драматургом, одновременно ощущал мучительную для него неопределенность социального положения. В 1764 г. он писал Екатерине II: «Я в прочем не имею никакого места и должности. Я ни при военных, ни при штатских, ни при придворных, ни при академических делах, ни в отставке. Я приемлю дерзновение в. и. в. принести мою просьбу, дабы мне было учинено что-нибудь, чтобы я знал, что я. Ежели я в отставке, так следует мне чин». ⁴⁸

В автобиографиях Державина отставка неизменно описывается как время вынужденной, мучительной праздности. Особенно отчетливо это проявилось в том, как Державин описал драматические события 1788—1790 гг. Так, рассказывая о 1788 г., когда Державин жил в Москве в ожидании суда, он в «Записках» пишет: «Державин шатался по Москве праздно» (VI, 603), размышляя «виноват, или не виноват, в службе, или не в службе»

⁴⁵ *Благой Д. Д.* Державин. — В кн.: История русской литературы: В 10-ти т. М.; Л., 1947, т. IV, с. 388.

⁴⁶ *Иконников В. С. Г. Р.* Державин в своей государственной и общественной деятельности. Пг.; Киев, 1917, с. 18.

⁴⁷ *Западов А. В.* Державин. М., 1958, с. 131.

⁴⁸ *Письма русских писателей XVIII века.* Л., 1980, с. 96.

(VI, 607); об отставке 1789—1790 г. в тех же «Записках» снова сказано, что Державин «шатался по площади, проживая в Петербурге без всякого дела» (VI, 624). В заметке «Нечто о Державине» эти события не описаны вовсе.

В XVIII в. только некоторые писатели-сентименталисты, и среди них одним из первых М. Н. Муравьев, сумели противопоставить «праздность» службе как нечто положительное, как время, имеющее особую ценность, время расцвета и наиболее полного проявления творческих сил свободной личности.

Кроме того, для сентименталистов быть праздным, не служить, значило быть независимым. Для Державина же не служить значило быть лишенным возможности воздействовать своим творчеством на общество. Эта идея обладала для него огромной притягательной силой и, очевидно, у него были основания полагать, что степень этого воздействия на общество, которое его окружает, во многом зависит от чина и звания пишущего. Написание целого ряда стихотворных текстов Державин в автобиографиях прямо связывает с некоторыми внетекстовыми задачами и откровенно пишет, был ли достигнут намеченный результат. Так, к оде «На кончину благотворителя» Державин дает такой комментарий: «Отдана князю <...> Зубову, чем автор тонким и посторонним образом сему любимцу императрицы советовал быть благотворительнее и менее заниматься военною славою. <...> Но он, по обыкновению своему, не дал ему никакого отзыва, хотя всякий день с ним виделся».⁴⁹ Но воздействовать на екатерининское общество в качестве «частного лица», а, например, не в качестве личного секретаря императрицы или сенатора, Державин считал невозможным. Именно этим, а не верноподданническими чувствами был вызван восторг, с которым Державин писал, что Екатерина II назвала его «мой собственный автор» (V, 762).

Екатерина II находилась под влиянием распространенного в XVIII в. представления о тождественности службы монарху и службы обществу.⁵⁰ Не случайно после отставки 1784 г. она не просто вернула Державина на службу, но приблизила к себе одновременно и для службы ей и для «описания ее славного царствования» (VI, 612). Державин же, хотя и высказал в форме тезиса мысль, что «принятие на себя общественной должности есть невольничество пред народом и государем»,⁵¹ весьма специфически понимал свои обязанности перед монархом. Своей основной задачей он считал «давать уроки» царям.

И поэт для Державина это прежде всего тот, кто дает урок, говорит правду царям. К этой идее он возвращался неоднократно и не только в «Памятнике».

⁴⁹ Державин Г. Р. Примечания, вып. 1 (25), с. 119.

⁵⁰ Об отношении Екатерины II к писательскому труду см. также: Степанов В. П. К вопросу о репутации литературы в середине XVIII в. — Наст. изд., с. 111—112.

⁵¹ ГПБ, ф. 247, Державин Г. Р., № 2, л. 188 об.

Тема «истины царям» возникает и в «Разговоре Короля с Философом». Когда Король требует от Философа «оправдания» в ответ на его резкие и откровенные высказывания, тот отвечает: «Я не имею никакого (оправдания, — *И. Ф.*) и не имею в том нужды, пока вы не обнаружите указа, что правда есть преступление, — я от всех преступлений свободен». В ответ Король раздраженно восклицает: «Правда! опять правда! Философы говорят, что нехорошо людям всегда говорить правду».⁵²

Раздумья на тему «урока царям» Державин обобщил также в следующих рассуждениях: «Когда должно вам подавать советы Государю своему, то пустите уроки ваши под именем древнего писателя, или под видом общего рассуждения, которое совет делает всегда личным для имеющего в нем нужду».⁵³

Итак, для писателя XVIII в. были возможны разные представления о независимости. Если Карамзин, например, стремился к независимости «частного человека» и «кабинетного ученого», то Державин стремился к независимости общественного деятеля, вельможи и придворного поэта, «говорящего правду» царям.

Когда А. В. Храповицкий призвал Державина «не заниматься порученными ему делами Якобия и Логинова, известными всем по их важности, а чтобы он писал лучше стихи Фелице»,⁵⁴ тот прямо заявил, что правда «более делает чести царям, нежели стихотворство».⁵⁵

С темой служения, службы и отставки тесно связана тема независимой сельской жизни в лирике Державина конца XVIII — начала XIX в. Эти мотивы в лирике Державина нередко связывают с его последней отставкой 1803 г., когда он окончательно удалился от дел: «Именно в эти годы в державинских стихах появляются тесно связанные с его собственным деревенским бытом яркие описания поместной сельской жизни, свобода, уединение и тишина которой противопоставляется им совсем в духе уже господствовавшего <...> сентиментального направления — роскоши, пышности и тесноте двора и столицы».⁵⁶ Но, если верить буквальному смыслу авторского предисловия к «Анакреонтическим песням» (1804), отставкой было вызван только самоповлечение этого сборника, воспевающего независимую частную жизнь и состоящего из текстов, написанных во второй половине 90-х гг., т. е. еще в годы службы: «В Афинах запрещалось упражняться в издевательских сочинениях только ареопагитам; но, как я теперь уже свободен от должности, то и осмелился предать их тиснению» (VII, 513).

Стихи, действительно воспевающие прелести независимой частной жизни вдали от двора, зачастую были написаны еще

⁵² Там же, № 4, л. 165.

⁵³ Там же, № 2, л. 208.

⁵⁴ *Державин Г. Р.* Примечания, вып. 1 (23), с. 93.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ *Благой Д. Д.* Гаврила Романович Державин. — В кн.: *Державин Г. Р.* Стихотворения. Л., 1957, с. 58—59. (Б-ка поэта. Большая сер.).

в годы службы. Это относится, например, к стихотворению «О удовольствии» (1798):

Почто спокойну жизнь, свободну...
И сельский домик мой — желать
На светлый блеск двора менять? ⁵⁷

Кроме того, в «Примечаниях» Державин оговаривает, что это стихотворение — «вольный перевод Горация».

«Похвала сельской жизни» (1798) тоже написана еще в годы службы и тоже «в подражание Горацию». Далее, в 1801 г., т. е. тоже еще в годы службы, но уже, очевидно, в предчувствии отставки Державин писал в стихотворении «Тишина»:

Как, я мнил в уединеньи,
В хижине быть славу мне?
Не живем, жевя в забвеньи,
Что в могиле, то во сне. ⁵⁸

В стихотворении «Привратнику» (1808) Державин прямо пишет:

Слуга был Марса я, Фемиды,
А ныне — отставной поэт. ⁵⁹

Таким образом, удалясь от дел, Державин ощутил себя поэтом в отставке. Это тоже свидетельствует, что вопрос об отношении Державина к службе и отставке надо рассматривать в контексте как господствующих, так и только еще намечающихся в те годы представлений о литературной деятельности, а появление горацианских мотивов в лирике Державина нельзя однозначно выводить из биографии.

Характерна также глава «Записок», названная Державиным «Упражнения его после отставки от службы» и посвященная событиям 1804—1813 гг. (вся эта глава занимает буквально две странички). Начинается она так: «Привыкши к безпрестанным трудам, не мог он быть без упражнения, и для того занимался литературою, писал несколько лирических сочинений, которых вышло 4 части, и еще наберется, может быть, одна; сочинял трагедии, как-то: 1) Ирод и Мариамну, 2) Евпраксию, 3) Темнаго» (VI, 827). Таким образом Державин писал о годах если не творческого взлета, то довольно напряженного творческого труда, годах создания «Рассуждения об оде», драматургии, автобиографической прозы.

Объясняется это, конечно, тем, что «Записки» были подчинены задаче создания образа общественного и государственного деятеля, для которого стихи не главное дело его жизни. Рассказать о себе как о «частном лице», как о помещике, живущем

⁵⁷ Там же, с. 270.

⁵⁸ Там же, с. 285.

⁵⁹ Там же, с. 345.

в своем имени и занимающемся литературным творчеством, что было необходимо в этой главе «Записок», Державин не сумел, хотя в близких Державину литературных кругах уже в 80-е гг. XVIII в. идиллический образ жизни независимого дворянина, живущего в своем имении, был противопоставлен суете придворной жизни. В 1786 г. В. В. Капнист писал Державину из Обуховки: «Сказать вам мое житье-бытье? Вот оно: душевно отстал я от всяких великосветских замыслов. Сьискиваю свое истинное участие в уединении <...> в воспитании детей, в созерцании <...> природы <...> в погружении себя иногда в недра души моей и в воспарении оттуда иногда к Источнику ея и всей твари. Вот мои упражнения душевные. Руками упражняюсь то в очищении и украшении сада моего, какого прекраснее и редкие цари имеют, в обозрении хозяйства, в построении нового домика, словом, во всех сельских <...> трудах» (V, 512—513). Характерно, что в ряду этих занятий еще не был назван литературный труд и не была четко сформулирована мысль, что именно такой образ жизни способствует расцвету творчества.

Итак, автобиографические произведения Державина, описывающие его жизненный и творческий путь, зафиксировавшие его высказывания на тему о поэзии и службе, об отставке и тихой жизни в своем имении на Званке, отразили сложный и переломный момент в писательском самосознании конца XVIII—начала XIX в. Сложность и непоследовательность существовавших в ту эпоху представлений о литературном труде и обусловили некоторую непоследовательность в оценке ряда ключевых эпизодов державинских автобиографий.

Первые опыты написания автобиографии, заметка «Нечто о Державине» и ее авторизованный вариант, опубликованный Евгением в «Словаре русских светских писателей», запечатлели попытку Державина написать парадную, официальную автобиографию. Автобиография такого рода в представлении писателя XVIII в. должна была по форме быть близкой к послужному списку.⁶⁰ Державинские опыты вполне можно рассматривать в рамках этой традиции. В заметках подробно описано прохождение по чинам, о служебных неурядицах говорится еще очень глухо. В соответствии с жанром парадной, официальной биографии описано и творчество (причем в целом служба описана значительно подробнее).

Хотя Державин был склонен рассматривать службу и творчество как некое единое служение, в этих заметках две эти сферы деятельности предстают как две различные, независимые и ничем не связанные ипостаси бытия. При этом в «Словаре» описание службы было отграничено от описания творчества, вслед за рассказом о событиях детства и юности поэта шел рас-

⁶⁰ Эволюцию от автобиографии такого рода к автобиографии исповедальной, отражающей становление и развитие личности, описала Н. Д. Кочеткова в статье «Исповедь в русской литературе XVIII века» (в печати).

сказ исключительно о его службе, а после ее описания давалась такая формулировка: «При всех сих столь различных и важных званиях, гений его, одною почти природою к песнопению образованный, всегда находил минуты для препровождения с музами, и весьма часто лира его среди самых должностных развлечений отзывалась громкими песнями». ⁶¹ Вслед за этой фразой просто перечисляется ряд наиболее известных произведений Державина, причём наряду со стихотворениями упомянуто и «много еще юридических и политико-экономических сочинений». ⁶²

В варианте же «Нечто о Державине» не проводилась четкая разграничительная черта между событиями службы и творчества, но рассказ о службе постоянно перемежался вкраплениями, касающимися творческой биографии поэта. Здесь были упомянуты некоторые литературные знакомства: П. А. Львов, В. В. Капнист, И. И. Хемницер, Г. Л. Брайко, М. М. Херасков (о знакомстве с Херасковым даже сказано, что с ним «автор был по стихотворству довольно знаком» ⁶³ — так Державин впервые и единственный раз в этом тексте назовет себя автором).

Но в целом Державин даже и не пытался изобразить службу и творчество в их связи. Единственное исключение относится к истории оды «Фелица»: «... Фелица, зделав ему много славы и огорчений, от коих он, как выше явствует, от службы был отставлен. По вступлении вторично в оную, видя, что многие знатные люди стихотворства его не жалуют, его гонят, то оставил было совсем на несколько лет в оном упражняться, но как и то не помогло, то по прибытии его из Тамбова в 1789 году принялся паки за перо с большею силою». ⁶⁴

Характерно, что «выше», т. е. в разделе, посвященном исключительно служебным достижениям, Державин высказался по этому поводу весьма глухо и вполне в соответствии с жанром официальной биографии: «... в 1784-м по некоторым случившимся неприятностям просил увольнения от службы и отставлен <...> с награждением чина действительного статского советника, и в том же году <...> без всякого его искания <...> пожалован Олонецким губернатором». ⁶⁵

Но «Фелица» предстает единственной причиной служебных неприятностей не во всех автобиографиях. Единственной причиной конфликта она названа, кроме заметки «Нечто о Державине», также в «Примечаниях» («сие сочинение было первою причиною гонения от князя Вяземского» ⁶⁶) и в «Объяснениях», в которых на вопрос Екатерины II «Для чего же разошелся с Вяземским?» следует ответ: «Он начал пасмехаться надо мною и притеснять за написанную мной похвалу Фелице» (III, 614).

⁶¹ Словарь, с. 171.

⁶² Там же, с. 171—175.

⁶³ Нечто о Державине, с. 84.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, с. 83.

⁶⁶ Державин Г. Р. Примечания, вып. 2 (22), с. 114.

Но в «Записках» Державин сначала очень подробно описывает служебные разногласия между ним и Вяземским, а разговор с Екатериной II описывает так: «„Для чего же не ужился с Вяземским?“ Державин не хотел рассказывать всего вышеописанного относительно несохранения и беспорядков в управлении казенном (курсив мой, — И. Ф.), дабы не показаться доносителем, но отвечал кратко: „Государыня! Вам известно, что я написал оду Фелице. Его сиятельству она не понравилась. Он зачал насмехаться надо мною явно, ругать и гнать...“» (VI, 609).

Причины творческого кризиса, пережитого Державиным в начале 90-х гг. XVIII в., он тоже объясняет по-разному в разных текстах.

В заметке «Нечто о Державине» Державин пишет, что он в те годы не имел никакой склонности к стихотворству и занимался им только по прямой просьбе Екатерины II: «...императрица изъявила ему неоднократное желание свое, чтоб он более упражнялся в стихотворении, что он и должен был исполнить, а как по некоторым обстоятельствам не имел он духа вновь чего-либо произвесть, то и схватился за собранные его женою». ⁶⁷

В «Примечаниях» он тоже не указывает причины кризиса, пишет только, что он «был в тогдашнее время многими обстоятельствами огорчаем». ⁶⁸

В «Объяснениях», комментируя стихотворение «На умеренность», Державин объяснил свое молчание тем, что у него были более важные служебные дела: «Автор несколько раз был прошен самой императрицей, чтоб он писал стихи, подобные *Фелице*, но он, будучи, с одной стороны, занят важнейшими делами, а с другой, видя несправедливости, неохотно к тому приступал» (III, 628).

В «Записках» же Державин объясняет перерыв в творчестве отсутствием вдохновения: «...не мог он воспламенить так своего духа, чтобы поддерживать свой высокий прежний идеал <...> Сколько раз ни принимался, сидя по педеле для того запершись в своем кабинете <...> все выходило холодное, натянутое и обыкновенное, как у прочих цеховых стихотворцев, у коих только слышны слова, а не мысли и чувства» (VI, 693—694).

Из всех этих высказываний видно, какие непреодолимые трудности встали перед Державиным при первых попытках написания автобиографии, как трудно было писателю той эпохи свести воедино рассказ о стихийном гении, «самою природою к песнопению образованном», и рассказ о сенаторе и секретаре Екатерины II.

Державин не сумел решить задачу создания единого образа и в написанных одновременно «Примечаниях», хотя именно «Примечания» можно рассматривать как наиболее последовательную попытку сведения воедино служебной и творческой био-

⁶⁷ Нечто о Державине, с. 84.

⁶⁸ Державин Г. Р. Примечания, вып. 2 (22), с. 110.

графий, попытку найти некий единый ракурс их изображения. В результате «Примечания» написаны как бы одновременно и от лица поэта, «автора», от имени которого и ведется повествование, и от лица общественного деятеля и крупного сановника. «Примечания» — это попытка создать образ человека, который «и в том и в другом предупел». Державин так комментирует «Благодарность Фелице»: «Что же касается до того изречения, где автор говорит: когда от бремя дел случится свободный час иметь, тогда он будет воспевать свою героиню. Сие относится единственно к тому, что князь Вяземской почитал неспособными и ленивыми заниматься своею должностию тех, которые упражнялись в поэзии, в чем даже от него и императрица предубеждена была, ибо она хотя любила авторство, но не писала и не могла писать стихов, а потому-то автор, служа в статской службе, и употребил все свои усилия к доказательству, что несправедливо такое заключение, ибо, имея истинные способности, может в том и другом предупел, есть ли кто только захочет пожертвовать сим трудом. И напротив, кажется голова поэта более удобна к изобретению каких-либо новых постановлений, что и доказано автором на самом деле».⁶⁹

Но именно это и придает тексту своеобразную непоследовательность. Начаты «Примечания» так: «Все его известные сочинения писаны автором (курсив мой, — *И. Ф.*) во время его службы с 1772 по 1805 год между дел, по случаям, в праздное время, когда что удавалось».⁷⁰ Непоследователен Державин и там, где ему приходится касаться вопроса о «праздном времени». Так, комментируя строчку «от должности в часы свободны», он пишет, что это «оговорка в опасении от начальника сделанная, дабы он не подумал что, небрежа о делах, автор занимается стихотворством».⁷¹ И в тех же «Примечаниях» Державин неоднократно и вполне серьезно повторяет, что «автор никогда для поэзии не употреблял время, когда дела у него другие по должности были, и это всегда его было правило, которое он тщательно сохранял».⁷²

История написания почти всех комментируемых в «Примечаниях» текстов так или иначе увязывается Державиным с событиями его службы (впоследствии, в «Объяснениях», Державин сплел большую часть таких рассказов, но, если верить «Примечаниям», все творчество Державина является откликом на события его служебной деятельности).

Возможно, именно внутренние трудности, с которыми Державин столкнулся при первых попытках написания автобиографии, привели к тому, что он прервал работу над «Примечаниями» и в дальнейшем еще раз вернулся и к описанию своего творче-

⁶⁹ Там же, с. 114.

⁷⁰ Там же, с. 110.

⁷¹ Там же, вып. 1 (23), с. 182.

⁷² Там же, вып. 1 (25), с. 120.

ства, и к рассказу о своей карьере, но пошел по другому пути, попытавшись написать два соотносящихся, взаимно дополняющих друг друга текста — «Объяснения» и «Записки». О том, что Державин действовал вполне сознательно, свидетельствуют неоднократные отсылки в «Записках» к «Объяснениям»: «„Собеседник“ напечатал помянутую оду „Бог“, как и прочие его сочинения напечатаны были в том журнале, который пачало свое возымел <...> от выше сказанной оды Фелицы, о коей в особых примечаниях на все его сочинения подробно изъяснено будет» (VI, 559). Это распределение материала между «Записками» и «Объяснениями» достаточно последовательно. В «Примечаниях» эти факты еще не были расчленены.

Но полностью отграничить службу от творчества оказалось не менее сложной задачей, чем описать их в связи. В результате целый ряд эпизодов дублируется, но акценты расставляются иначе, интерпретация одних и тех же событий не совпадает. Приведу только один пример.

Державин трижды описал историю работы над одой «Бог». В своей фактической основе тексты совпадают, но и различия достаточно важны.

«Примечания»: «Автор <...> принимаясь писать несколько раз, не мог, будучи рассеян в городе, положить чувствовавший своих на бумагу, а для того в 1784 году, а в том году и напечатана, собравшись с духом, сказав покойной жене своей, что поехал в польские деревни, остановился в Нарве, нанял небольшой покойчик, уединился в оной на несколько дней и, будучи ничем другим не занят, написал сию оду. Примечания достойно, что во время сочинения оной воображение столь было разгорячено, что, слав в одну ночь, увидел чрезвычайный свет, который и по открытии глаз блистал, казалось, по комнате. Слезы лились тысячь ручьями. Тогда, встав, написал он последний куплет. Он думает, что таковыми сочинениями с успехом заниматься можно не в шуме мирском, пресекающем восторги, но в подобном уединении, ибо после того, бывши всегда в людстве, не удалось уже ему произвести такого сочинения».⁷³

«Объяснения»: «Автор <...> будучи занят должностью и разными светскими суетами, сколько ни принимался, не мог окончить оную <...> Потом 1784 года, получив отставку со службы, приступал было к окончанию, но так же по городской жизни не мог; беспрестанно однако был побуждаем внутренним чувством, и для того, чтобы удовлетворить оное, сказав первой жене своей, что он едет в польские свои деревни для осмотра оных, поехал и, прибыв в Нарву, оставил свою повозку и людей на постоялом дворе, нанял маленький покой в городе у одной старушки немки, с тем, чтобы она и кушать ему готовила; где запершись сочинял оную несколько дней, но, не докончив последнего куплета сей оды, что было уже ночью, заснул перед све-

⁷³ Там же, вып. 2 (22), с. 111.

том; видит во сне, что блещет свет в глазах его, проснулся, и в самом деле воображение так было разгорячено, что казалось ему, вокруг стен бегают свет, и с сим вместе полились потоки слез из глаз у него; он встал и в ту ж минуту, при освещающей лампаде, написал последнюю сию строфу, окончив тем, что в самом деле проливал благодарные слезы за те понятия, которые ему вверены были» (III, 594).

«Записки»: «В течение февраля и марта вздумал он съездить в белорусские деревни, дабы, не выдав их никогда, осмотреть, сделать как бы распоряжения, или, прямо сказать, как они были оброчные, хозяйства никакого в них не было, то, уединясь от городского рассеяния, докончить в них в уединении <...> оду „Бог“. А потому, согласив жену несколько с ним расстаться, отправился в путь. Но доехав до Нарвы, приметя, что дорога начала портиться и что в деревне в крестьянских избах неловко ему будет заняться сочинением, то, оставя повозку и с людьми на ямском постоялом дворе, нашел в городе у одной престарелой немки небольшой покойчик, с тем, чтобы она ему и кушанье приготавливала, докончил ту оду и еще также прежде начатую под названием „Видение Мурзы“. Прожив в сем городе с небольшим неделю, возвратился в Петербург» (VI, 538).

И в «Примечаниях» и в «Объяснениях» Державин заостряет внимание прежде всего на том, какой помехой творчеству являются «светские, суеты» и «должность». В «Объяснениях» поездка в деревни упомянута как повод, она как бы предпринята только ради того, чтобы обрести уединение, пережить порыв вдохновения. И автор «Объяснений» — это именно поэт, человек способный на такой порыв. Державин особо отмечает подлинность своего переживания, соответствие пережитого и описанного: «в самом деле» проливал он благодарные слезы.

В «Записках» же Державину прежде всего важно описать состояние дел в своих деревнях, именно в «Записках» наиболее подробно описаны бытовые обстоятельства поездки. Характерно, что только в «Записках» говорится о работе над «Видением Мурзы». Рассказ об одновременной работе над двумя одами не соответствовал бы представлению о высоком и исключительном порыве, связанном с написанием оды «Бог». Но об этом порыве вдохновения в «Записках» вообще ничего не сказано, да его описание и не соответствовало бы общему тону «Записок».

Итак, изучение творческой биографии Державина и попытки реконструкции его творческой психологии должны основываться на сопоставительном анализе всех вариантов его автобиографии. Сами тексты могут быть правильно поняты только в широком историко-культурном контексте. Державин не справился с задачей написания своей творческой автобиографии, хотя такая потребность у него, безусловно, была. Причины, побуждавшие Державина к работе над автобиографией, и конкретные результаты его усилий расширяют наши представления о творческом мировоззрении их автора.